

Вы должно быть запомнили. Вот слушайте. И начинаются чтение перечня забранного товару и денег. На одном из пунктов забора товару Вернигора вдруг задает вопрос:

— Так це Ви кажете стара моя без мене брала?

— Да, да, Петр Емельяныч.

— Ач, паццюка стара, скільки набрала! Ну, прийду додому, так я ж їй дам платив кишимірових.

Получив 52 р. 52 к., Вернигора зашел в духан, выпил еще немного и пошел домой „рассчитываться“ с ни в чем неповинной „старой“, которая никаких „кишиміровых“ платков у Хренова не брала.

А Хренов? Хренов перечеркнул забор Вернигоры, пересмотрел заборы других клиентов, подобных Вернигоре, потер от удовольствия руки и пошел во двор посмотреть на свою сытую лошадку; так как благодаря „вернигорам“, он давно уже забросил коробку и развозит товар по станице на повозке, меняя таковой преимущественно на зерновой хлеб. Последний способ торговли был самый выгодный.

Лет через 10—15 у Хренова уже не лавченка, а лавка на целый тес и большой дом под железной крышей. В дни именин у него в гостях и священник, и учитель, и атаман; он уже давно состоит почетным блю-

стителем местного училища, за что и награжден серебряной медалью с надписью „за усердие“. У Вернигоры же старенькая хата как будто стала еще ниже. Старшего сына выделил на свое хозяйство, взял план на второго сына, а третьего готовит к выводу на службу. Благодаря „справке“ сыновей и уменьшению паевых наделов, овцеводство пришлось ликвидировать.

Как же реагировало на все это наше начальство? Да никак! Мне кажется, что оно за редким исключением над материальным благосостоянием казачка и не задумывалось.

Уездные начальники (тогда еще были таковы) „предписывали“, становые пристава по станицам разезжали да на атаманов кричали; а Наказные Атаманы, Атаманы отделов и начальство второочередных полков строго заботилось об исправном выходе казаков на службу: браковали лошадей и снаряжение. Полковое начальство подвергало неисправных казаков аресту, посылая их для отбытия наказания в другие станицы, а Атаманы отделов подвергали аресту станичных атаманов. И каждый из начальствующих лиц старался выслужиться за счет казака. А как отражалось это выслуживание на казачьем благосостоянии, до этого никому никакого дела не было.

Шалвур Ниинив.

Цаганные воспоминания.

Однообразно, как и все праздники народов, но всегда торжественно, в истинном веселии, по настоящему обильно, проводился он у нас из года в год.

Лихие скачки, веселые и многоступенчатые „надоны“ — вечеринки и робкие флярты молодежи...

Но настали годы. И помню я Цаган: Бескрайная степь, по колено лошади покрытая ровным, искрящимся на солнце, сыпучим снегом. Бороздящий ее тысячами копыт конный корпус, а вечером, голодный ночлег под скирдю, морозная, бурная ночь, костры и уродливые, заиндевевшие ковские морды вокруг...

А жена моя, прерывая нить моих воспоминаний, говорит о том же Цагане, встреченном ею на заснеженной снегом повозке с полотняной будочкой в открытой степи, под жуткий вой ночного бурана. Тысячами ведьминых голосов свишет и жужжит ветер пустыни, а в заснеженных будочках едва теплится жизнь: бредит сестра в тифозной горячке, здесь сгорает в огне свекор, там плачет голодный ребенок... Ночь ужаса и смертей. Голодные и усталые быки дрожа суют морды и будочку и время от времени жалобно мычат, прося корму... Только калмычка, все выносящая и все умеющая, борется с природой. Разведя костер из последней щепки и мокрой соломы, она оттаивает снег в котле, греет воду, месит тесто, коченеющими руками лепит борцыки, а на утро и голый малыш под овчинной шубой в будке и случайно встретившийся муж — зюнгарец получают в знак Цагана по паре мерзлых борцыков, а тихая мученица — калмычка равнодушно запряжет истощенных волов и движется дальше, на встречу еще не слыханным мукам, лишь бы уйти от безобразий обезумевшего русского красного хама.

Печальный и необычайный был тот Цаган. На месте ночлега табора остались десятки трупов завернутых в прокопченные полсти, и ширдыки, трупы стариков, мужчин, женщин и детей.

Потом настал и еще Цаган: В тесных и дымных

норах, вырытых в сырой и песчанной земле, под треск сухого верска жарились борцыки, на последние пиастры закупался дрянной греческий коньяк, в уголках землянок теплились лампы из кокосового масла, а утром, перед фронтом выстроенных сотен, проходил командир полка и поздравлял зюнгарцев с праздником. А в тесных и грязных беженских бараках Сюлиме, Тузлы, Лана и Бернадота лилась тягучая, душу щемящая, тоску по степи и коню нагоняющая, песня калмычки.

Помню и еще два Цагана: Они были похожи друг на друга. Английское командование, умеющее уважать традиции народов, дало нам два дня свободы, приказало зарезать коня и пускать в лагерь гостей к калмыкам. Длиннейший стол, доходящий от заграничных яств, баттарен бутылки виски, джина, смирновки и черного пива. Приглашенные бакши в своем духовном одеянии служат молебен и рядом с ними — бесстрастное лицо английского капитана. А потом, грандиозная попойка всего лагеря, перекинутая и на англичан...

И теперь: в Болгарии пьют ракию, в Сербии ракию, во Франции вина, но везде зажигают лампы, возносят молитву к Богу и неизменно поют свою песню, песню степи...

Там гуляют с братушками болгарами и сербами, здесь танцуют фокстрот с француженками и чешками, но не забывают только своего Бога, песню и свои степи, а пока так, то жив будет народ калмыцкий и настанут опять Цаганы по старому, по былому. Опять зазвучат на заре мощные буре, цанг, мелодичный янг, поскачут из станицы в станицу шайки лихих наездников и еще звонче полетится песня калмычки. А зачатки калмыцкой сцены в Чешской Страшнице превратятся в свое время в национальные театры, где наяву пройдут перед нами картины нашего прошлого, великого былого, а маленький наш оркестр, будет родоначальником Калмыцкой национальной филармонии...

Братья — казаки! приобретите каждый Календарь-альманах „Вольного Казачества—Вильного Козацтва“ на 1930 год.

В сборнике-альманахе календаря помещены статьи по истории Казачества, по экономике Казачьих Земель, много публицистических и литературных произведений казачьих писателей.

Казаки, поддержите казачью книгу!

Цена Календаря-альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева.